

ДЖИНН РАЙАН

Н
Е
Р
В

ИГРАЙ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

#ЗРИТЕЛЬ #ИГРОК #НЕРВ

Джинн Райан

Нерв

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23328677

Джинн Райан. Нерв: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-088245-8

Аннотация

Ви даже не заметила, как оказалась втянута в онлайн-игру, и каждый приз приближает ее к осуществлению заветной мечты. Но не прошло и суток, как все, что сначала казалось забавным и будоражило кровь, обернулось смертельно опасной ловушкой.

Теперь пути назад нет. Только вперед, к победе, и, может быть, тогда удастся спастись самой, спасти друзей и свою любовь.

Содержание

Пролог	5
Один	13
Два	35
Три	58
Четыре	66
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джинн Райан

НЕРВ

Jeanne Ryan

NERVE

Печатается с разрешения издательства Dial Books for Young Readers, a division of Penguin Young Readers Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2012 Jeanne Ryan

© Е. Ильина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Посвящается Джеймсу, моему главному призу.

Пролог

Ждать пришлось трое суток, но к четверем дня в воскресенье улица перед домом Абигайль наконец полностью очистилась от Зрителей. Может, даже психам время от времени нужен сон. Ей отдых тоже не помешал бы, но гораздо больше она жаждала свободы. Прошла уже почти неделя с тех пор, как она в последний раз выходила из дома.

Абигайль нацарапала родителям записку, закинула в машину груду снаряжения и дала по газам, но все поглядывала в зеркало заднего обзора – и пока выбиралась из города, и дальше, все два часа дороги до Шенандоа. Не сосчитать, сколько раз она ездила этой дорогой с семьей, и те поездки были заполнены играми, пением, просмотром видео или просто грезами наяву, но в этот раз ее сопровождало лишь растущее чувство паники.

Добравшись до парка, Абигайль сдержала порыв пойти зарегистрироваться у рейнджеров-проводников, хотя эту привычку годами вдалбливали в нее родители. Оставив машину в начале одного из маршрутов, который выглядел самым непопулярным, она углубилась в лес по изрядно заросшей тропе. К полудню пора будет подумать о месте для стоянки. Но пока ей хотелось просто исчезнуть из вида, затеряться в зарослях. Если удастся не напороться на Зрителя еще хотя бы какое-то время, эта чаща даст ей немного покоя, по край-

ней мере на пару дней.

Лямки рюкзака тяжело врезались в плечи, пока Абигайль упорно лезла вверх по каменистому склону холма, раздвигая папоротники, ловя случайные капли росы, застрявшие в листве. Она приободрилась, услышав впереди шум водопада. Как хорошо будет отвлечься от этих мыслей, что вот уже двадцать три дня постоянно крутились у нее в голове! Проклятая игра.

Она отмахнулась от низко нависшей ветки, обдавшей ее дождем из брызг и мокрой листвы. Правда, вокруг все равно никого не было, и никто увидит, что на лицо и волосы у нее налипли листья. Но при одной мысли о других людях в голове мгновенно возникли неотвязные, неприятные образы. И страхи. Страхи, прежде жившие на самом краешке сознания, но теперь, похоже, вдруг обретшие жизнь – на сей раз в виде мягких шагов, послышавшихся за спиной.

Абигайль замерла, выжидая и молясь, чтобы звук этот оказался лишь плодом ее воображения. В последнее время собственный мозг постоянно ее подводил. Постой. Сосредоточься. Подумай.

Шаги на секунду остановились, а потом послышались опять – и стали явно быстрее. Да, сзади кто-то есть. Что же делать? Это, должно быть, случайный турист, ищущий уединения, как и она. И все-таки лучше спрятаться. Абигайль пробежала вперед, чтобы выиграть немного времени, и затаилась среди густых ветвей пышного рододендрона.

Шаги становились все громче. Они были тяжелыми и явно принадлежали человеку крупному. Неужели наступили те самые «последствия», которыми грозили ей эти чертовы устроители игры, если она вздумает скрываться от фанатов? Но как можно требовать от нее, чтобы она мило болтала с придурками, которые звонили в любое время дня и ночи, с уродами, которые пытались пробраться за ней в туалет, или с психами, создавшими ужасный сайт, где вывешены фото с ней и другими игроками в перекрестье прицелов? Когда Абигайль узнала об этом, она притворилась больной, и можно было не выходить из дома всю последнюю неделю. Но она не могла прятаться вечно. И потребовать, чтобы всем и каждому запретили к ней приближаться, тоже было невозможно.

Хватая ртом воздух, Абигайль прислушивалась к звуку шагов. Может, это даже и не человек? Забавно, но мысль о том, что за спиной может оказаться черный медведь, пугала меньше, чем встреча с обычным туристом. А что, если никаких шагов вовсе нет? Что, если это все иллюзия, результат манипуляций ее сознанием, как и любая мысль у нее в голове с тех пор, как она вступила в игру? Все труднее понять, что же происходит на самом деле. Как с той запиской, которую она нашла в журнале на стойке, когда тайком выбралась в магазин: *«Дорогая Абигайль! Игра не закончена, пока мы не скажем, что это так».*

Откуда они могли знать, что она пойдет именно в этот магазин? Откроет именно этот журнал? Она принялась ярост-

но перелистывать другие журналы на стойке, чтобы проверить, не подложено ли что-то и в них, а когда опомнилась, записка бесследно пропала, будто ее и не было. Должно быть, ее успел украсть кто-то из загадочных «нас», следивших за каждым ее шагом. Это и было хуже всего – не знать, как выглядит твой враг, в то время как твое лицо известно всем и каждому.

К звукам шагов добавился свист. Даже самое живое воображение не в силах представить зверя, насвистывающего «Где-то за радугой». Глаза Абигайль наполнились слезами, хотя она все еще пыталась убедить себя, что это просто турист, у которого хорошее настроение.

Шаги смолкли. Она пригнулась еще ниже, но рядом уже затрещали кусты. Низкий голос произнес:

– Я знаю, что ты здесь.

Ноги у нее подогнулись. Прижавшись спиной к стволу, Абигайль замерла, жалея только о том, что не залезла на дерево. Вокруг на целые мили никого не было, и, бросив быстрый взгляд на экран телефона, она убедилась, что сети здесь тоже нет. Ну, разумеется. Пора бы привыкнуть, что теперь ее телефон – источник одних неприятностей.

Ветви рододендрона, под которым она пряталась, раздвинулись, и показался человек с лицом питбуля; изо рта у него несло беконом. Да, лучше было не знать, как выглядят ее мучители... Этот образ навсегда занял почетное место в ее кошмарах. До конца жизни. Какой бы короткой она ни ока-

залась.

Раздвинув ветки ручищами, он спросил:

– Почему бы тебе не выйти самой, конфетка? Нам обоим будет проще.

Абигайль почувствовала, как ее мышцы рефлекторно сжимаются, а к горлу подкатывает тошнота. Это было еще страшнее, чем в последнем раунде, когда она очутилась в комнате, полной змей. Подумать только, и этого она когда-то боялась больше всего на свете!

Несмотря на бившую ее дрожь, она нашла в себе силы выкрикнуть:

– Оставь меня в покое, ты, урод!

Он удивился.

– Зачем хамить? Я ж твой самый большой поклонник.

Она лихорадочно обшаривала взглядом лесные заросли. Оставалась только одна возможность, только одна надежда. Абигайль сбросила рюкзак на землю и метнулась в сторону, где ветки переплетались не так плотно. Но все равно она расцарапала себе все руки, пока отчаянно продиралась обратно к тропе. К несчастью, тот человек отрезал ее от дороги, ведущей обратно к машине, и теперь можно было только двигаться дальше, в глубь поросших лесом холмов.

Она бежала, слыша за спиной тяжелый топот. Но вскоре все звуки поглотил грохот водопада где-то впереди, и Абигайль почувствовала, как на лицо оседает тонкая водяная пыль. Она выбежала на площадку, огороженную шаткой из-

городью. Дальше склон круто обрывался вниз – ни единой тропинки, только камни, поросшие скользким мхом.

Фальшивый свист пробился сквозь рев водопада. Аби-гайль обернулась, чтобы встретить преследователя лицом к лицу. Карманы у него оттопыривались, и очертания их наводили на мысли о разнообразном оружии из игры «Ключэдо»¹.

Не то чтобы ему нужен был подсвечник или нож – его руки были мощными, как стволы деревьев. Что ему нужно? Может, это озверевший фанат, который решил наказать ее за то, что вчера вечером она не участвовала в завершающей онлайн-трансляции вместе с другими игроками? Трансляцию она смотрела, прижав ладони ко рту. Ее товарищи-игроки на экране шутили и смеялись, несмотря на то что под глазами у них залегли темные круги, а кое у кого судорожно подергивалось лицо. Но никто из них не ответил ей потом ни на одно сообщение, словно общаться с ней стало опаснее, чем с теми, кто их преследовал. Это какое-то безумие! Когда она регистрировалась в игре, никто ничего не говорил ни о съемках после финала, ни о чокнутых фанатах.

Абигайль перелезла через изгородь, стараясь покрепче ухватиться за скользкий металл. Сможет ли она спуститься к реке, не сломав себе шею?

– Зачем же так, Абигайль? – проворчал мужчина и полез

¹ Настольная игра, моделирующая детективное расследование; в комплект входят фишки, изображающие различные орудия убийства (подсвечник, нож, веревка, револьвер и т. д.).

в карман. – Давай, возвращайся и сделай кое-что для меня. Мы тут сможем сделать такое фото, что оно потянет сразу на тысячу кредитов.

Кредитов?.. Наверное, это один из тех психов, которые снимают видео с игроками ради одной-единственной цели – заслужить уважение других Зрителей, измерявшееся количеством голосов, или кредитов. В чем измеряется ужас, который она испытывала, Абигайль не знала, но этот тип определенно сорвал джекпот. Все извращенцы будут в восторге. Захочет ли он довести дело до конца? При этой мысли у нее свело горло. Дыши глубже. Сосредоточься на спуске вниз.

Он разглядывал ее, склонив голову набок, будто оценивая освещение и прикидывая композицию. Неужели все, что ему нужно, – это удачный снимок? У Абигайль перехватило дыхание, когда он стал медленно вынимать руку из кармана. Как ни странно, жизнь не промелькнула у нее перед глазами. Зато она вспомнила старый фильм, который им показывали на уроке английского в восьмом классе. Кажется, он назывался «Невеста или тигр»...² Ее еще тогда взбесило, что зрителя оставляют в подвешенном состоянии. Неужели так трудно сочинить нормальный конец?

И вот теперь стоящий перед ней незнакомец что-то достает из кармана, может быть, камеру, а может, и пистолет, и хочет что-то украсть у нее – всего лишь снимок или саму

² Фильм по одноименному рассказу Фрэнка Ричарда Стоктона, в котором читателю самому предстоит решить, кто же выжил в финале – невеста или тигр?

жизнь?.. Абигайль всхлипнула, осознав, что отчасти желала такого исхода, о котором даже не думала до начала игры, – только бы прекратился весь этот ужас. Итак, все-таки снимок? Может, если как следует напрячься, она сумеет улыбнуться, и все закончится. Она спустится вниз, примчится домой, спрячется у себя в комнате. Просидит там остаток дня. Или еще дольше. Рано или поздно Зрители потеряют к ней интерес, особенно, когда начнется новая игра с новыми игроками.

– Улыбочку, – произнес мужчина.

Абигайль поглядела на него и попыталась приподнять уголки рта. Капля пота скатилась с виска, за ней вторая. Еще пара секунд, и все закончится.

Щелк.

Она выдохнула. Окей, если это то, чего он хотел, прекрасно. Ну, не прекрасно, но пережить можно.

Мужчина криво усмехнулся и полез в другой карман.

Один

Я – девушка за сценой. В буквальном смысле слова. Но когда раздвинется занавес и начнется второй акт, я стану совершенно свободна – на целых сорок минут. Костюмов никаких менять не нужно, грим тоже, если, конечно, кому-нибудь из актеров не понадобится что-нибудь поправить побыстрому. Я делаю глубокий вдох. Для премьеры все идет слишком гладко, и это меня беспокоит. На первом представлении хоть что-нибудь должно быть не так. Это традиция.

Я раздумываю, куда пойти. То ли в женскую гримерку, где говорят только о парнях, то ли в холл, где есть шанс встретить реальных парней... точнее, *одного*. Его выход только через десять минут, и я выбираю вестибюль; достаю телефон, хотя мисс Сантана, руководительница драмкружка, под страхом смерти запретила нам приходить на спектакль с телефоном.

На моей странице в ThisIsMe ничего нового. Неудивительно, учитывая, что большинство моих френдов либо заняты в пьесе, либо сидят в зале. Я набираю сообщение:

«Есть пара билетов на следующие два спектакля, покупайте давайте, если не притащили задницу на этот!»

Все, гражданский долг исполнен.

Вместе с сообщением я запостила фотку, которую сделала перед началом спектакля. На фото – мы с моей лучшей

подругой Сидни, звездой шоу. Картинка получилась, как из «книжки контрастов» для малышей: она, золотая голливудская Барби, возвышается надо мной, куклой Блайз в стиле ретро – бледная кожа, темно-русые волосы и глаза, слишком большие для моего лица. Зато благодаря теням-металлик, позаимствованным в гримерке, они кажутся синее, чем обычно.

На экране телефона всплывает реклама «Custom Clothz» с предложением полюбоваться, как круто я буду выглядеть в сарафане из последней коллекции. Глупо мечтать о летней одежде в Сиэтле, особенно в апреле, но этот сиреневый с широкой юбкой так мил, что не устоять. Я загружаю свою фотку и заполняю поля: рост – сто шестьдесят пять сантиметров, вес – пятьдесят-неважно-сколько килограммов. Пока я размышляю, какие еще параметры внести, из гримерки доносится знакомый смех и появляется Мэтью. Он плюхается рядом со мной, и наши плечи соприкасаются... ну, то есть мое плечо – с его скульптурным футбольным бицепсом.

Он наклоняется, почти касаясь губами моего уха:

– 34-Б, верно?

Черт, как он успел так быстро заглянуть в экран? Я встаю, держа телефон так, чтобы ему не было видно.

– Не твое дело.

Скорее уж 32-А, особенно сегодня, когда на мне полупрозрачный лифчик, никогда не суливший чудес.

Он смеется.

– Ты только что собиралась поделиться этой информацией с совершенно незнакомыми людьми, так почему не со мной?

Я сворачиваю окно браузера.

– Это же для какой-то тупой рекламы, не для реального человека.

Теперь мы стоим лицом к лицу. Он упирается руками в стену по обе стороны от моего лица. Некоторое время он просто смотрит на меня, а потом произносит этим своим шелковым голосом, из-за которого всякий раз кажется, что он вот-вот сообщит тебе удивительный секрет:

– Да ладно тебе! Мне так хочется увидеть тебя в этом платье!

Я прячу руку за спину.

– Правда? – По сравнению с его голосом мой звучит, как скрежет иглы, царапающей пластинку. Просто здорово.

Его рука скользит мне за спину и вынимает телефон у меня из пальцев.

– Или, может, в чем-нибудь поудобнее – ну, ты понимаешь.

Он что-то нажимает на экране и поворачивает ко мне телефон. Я вижу, что мое лицо присобачено к телу в белом кружевном белье. Размер бюста явно преувеличен – гораздо больше D.

Я чувствую, как по шее поднимается волна жара.

– Очень смешно. Может, теперь с тобой попробуем?

Он начинает расстегивать рубашку.

– Если желаете, я могу позировать лично.

В вестибюле становится как-то душно. Я прочищаю горло.

– Э-э, ты должен оставаться в костюме, так что давай сначала заполним поля?

Господи, можно ли было сказать что-то менее возбуждающее?

Глаза у него вспыхивают. Они зеленее, чем обычно.

– Не вопрос. Но только после того, как виртуальная Ви закончит примерку.

Мы стоим, касаясь друг друга, пока он подбирает для меня разные комбинашки и бикини. Я пытаюсь отнять у него телефон, но он, смеясь, отдергивает руку. Тогда я пробую другую тактику – притворяюсь, будто мне все равно. Это почти срабатывает – и мой внезапный выпад застаёт его врасплох. Не достаточно быстро, чтобы отнять телефон, но мне удается коснуться экрана и закрыть сайт с примерочной. Вместо него появляется реклама новой игры под названием «НЕРВ». Ее основной принцип заключается в том, что тебя берут на «слабо». Под баннером «ПОГЛЯДИ, КТО В ИГРЕ!» всплывают три иконки. Мэтью поднимает брови.

– Эй, погляди-ка на эту девчонку! Она должна сделать вид, будто что-то крадет в магазине.

Он поворачивает экран так, чтобы нам обоим было видно – какая-то девица с кучей пирсинга запихивает пузырьки с лаком для ногтей в карманы своих камуфляжных штанов. Хм-м, но даже если она притворяется, кража ведь все равно

остаётся кражей? Интересно, как она контроль в аэропорту проходит со всеми этими булавками на лице? Будто услышав мои язвительные комментарии, она поворачивается к камере и показывает средний палец. Камера надвигается, и мы видим лицо девушки, по которому блуждает волчья усмешка. Плечи у меня каменеют. Ухмыльнувшись, девица выходит из магазина на парковку и темно-красным лаком рисует у себя на лбу: «XXX».

– Я бы не дала ей больше трех, да и то многовато. Ей надо было притвориться, что она ворует, а не красть по-настоящему, – говорю я. – Это какой же надо быть идиоткой, чтобы позволить снимать, как ты нарушаешь закон?

Мэтью смеется.

– Да ладно тебе! Нервы у нее железные. И никто не станет возмущаться, что она перевыполнила задание. Приколльно было бы посмотреть на нее в прямом эфире.

– Ой, только Сидни не говори! Она так хотела участвовать в отборе на игру! А потом узнала, что наша премьера назначена на тот же день.

– Ей что, мало главной роли в спектакле?

Я переминаюсь с ноги на ногу. Мне нравится подкалывать Сидни насчет ее звездных замашек, но только в лицо.

– В школьном театре серьезных призов не получить.

Мэтью пожимает плечами и снова утыкается в телефон.

– О, погляди-ка, этот парень кормит собаку изо рта.

– Какая гадость!

Но Мэтью ставит ему пять звездочек. И как только он это делает, на экране появляется реклама: «ЗАГРУЗИ СВОЕ ВИДЕО, ПОЛУЧИ ШАНС УЧАСТВОВАТЬ В СУББОТНЕЙ ИГРЕ. ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО!»

Он помахивает телефоном у меня перед носом

– Надо бы тебе попробовать, крошка Ви.

– Ты что, забыл? Я ж тебе грим в субботу делаю.

– Какая разница? Просто сделай отборочное видео и забей на все. Если попадешь в прямой эфир, уж найдется кто-нибудь, кто сможет подменить тебя на гриме.

Он явно думает, что у меня нет никаких шансов, а даже если и есть – раскрасить лица актерам сможет любой дурак. Внезапно я чувствую себя совсем маленькой.

Теребя подол юбки, я отвечаю:

– Зачем напрягаться? Да и потом, играть всерьез я не собираюсь.

В прошлом месяце, когда игра состоялась в первый раз, друзья собрались у меня и скинулись, чтобы посмотреть ее в прямом эфире. На долю Зрителей выпало достаточно острых ощущений: они видели, как участники гран-при Восточного побережья полчаса стояли на крыше, заступив за карай, так что пальцы ног нависали над пустотой. Нет уж, спасибо!

Мэтью что-то ищет на сайте НЕРВа.

– А вот и список испытаний. Есть руками в приличном ресторане, зайти в магазин экзотических товаров и попросить козлиные яй...

– Я не собираюсь в этом участвовать.

Он что-то набирает на моем телефоне.

– Знаю, что не собираешься. Просто мотаю тебе нервы.

Ты такая симпатичная, когда краснеешь.

Тут Грета, которая отвечает за реквизит, выбегает из-за сцены и дергает его за руку.

– Твой выход через две минуты.

Он отдает мне телефон, и только теперь, когда Мэтью уже в десяти шагах от меня, я замечаю, что он изменил мой статус в ThisIsMe. Было «свободна», стало «Что-то намечается». Сердце подпрыгивает у меня в груди.

Еще почти полчаса до закрытия занавеса, но я иду следом за Мэтью – за кулисы. Он проходит под лучом прожектора и занимает свое место слева на авансцене, рядом с Сидни. Они будут перебрасываться остротами и спорить, потом поцелуются, споют, и на этом спектакль закончится.

Сидни полностью владеет сценой: она в луче прожектора и во всем своем белокуром великолепии. Меня охватывает гордость: какое обворожительное видение я создала, используя ее природные данные. Конечно, Мэтью я посвятила больше времени, с нежной заботой подчеркивая каждую линию его лица. Как блестят его глаза в свете прожектора!

Следующие полчаса я повторяю реплики вслед за актерами, и мы добираемся до финала. Происходит воссоединение влюбленных: Мэтью берет лицо Сидни в свои ладони, и герой с героиней сливаются в поцелуе – секунда, другая, тре-

тъя... Я закусываю губу от зависти, хотя Сидни всегда говорит, что в Мэтью гораздо больше показухи, чем чего-то настоящего. Вечно она думает, будто лучше меня знает, что мне надо.

Остальные актеры присоединяются к Сидни и Мэтью для финальной песни, а потом я задерживаю занавес. Кланяться они будут на авансцене, перед занавесом, от меня больше ничего не требуется, и я направляюсь в гримерку, чтобы собрать костюмы. В комнате стоит запах лака для волос. Огромный букет алых роз красуется в центре стойки. Я гляжу на карточку. Для Сидни, естественно. Пару минут спустя она и другие девушки впархивают в комнату, смеющиеся и запыхавшиеся.

Я порывисто обнимаю свою лучшую подругу.

– Ты была великолепна. И смотри-ка, что тебе прислали!

Она издает радостный писк и разворачивает карточку. Глаза у нее расширяются.

– От неизвестного поклонника.

– Неизвестным он останется от силы пару минут, пока не сунет сюда свой нос, чтобы получить благодарность.

Сидни нюхает цветы и улыбается – к подобному вниманию она привыкла.

– Тебе удалось уговорить родителей насчет сегодня?

Я ощущаю, как в горле появляется ком.

– Не-а. Зато они выпускают меня из заточения на капустник после последнего спектакля.

Пять месяцев я беспрекословно выполняла все их требования, пока, наконец, не убедила их, что заслуживаю свободы. После того «инцидента», как его называют родители, меня впервые (если не считать работу над спектаклем и посещение библиотеки) отпустят из дома с друзьями. На самом деле никакого «инцидента», разумеется, не было. Я им это говорила, и не раз, но их не переубедить...

– Тогда я тоже не пойду, – заявляет Сидни.

Я шутливо пихаю ее в плечо.

– Глупости! Ты заслужила хорошую вечеринку. Только смотри, не напивайся, а то круги под глазами будут. Мои таланты визажиста не простираются так далеко.

Она распускает ленты корсета.

– Ты уверена? В смысле, насчет вечеринки. Моя вера в твои таланты безгранична.

Я помогаю ей справиться с завязками сзади.

– Конечно. Расскажешь мне все потом. И с тебя фотки, окей?

Все заканчивают переодеваться, и я собираю костюмы, проверяю, не нужно ли что-нибудь отгладить или вывести пятно перед завтрашним спектаклем. Сидни обнимает меня еще раз, а потом уходит с Гретой и остальными. Через несколько минут в гримерку заглядывает Мэтью.

– Как там отчаянная крошка Ви?

При виде него у меня в животе появляется странное ощущение, но я не подаю виду. Внимательно оглядываю твидо-

вый пиджак, проверяю манжеты.

– Прекрасно. – Кому нужна эта вечеринка, если можно побыть с Мэтью, пока не будет пора бежать домой? Кажется, «что-то» действительно намечается.

– Вы с Сидни идете к Эшли?

– Она идет. Я не могу.

– Все сидишь на цепи? Ну, девушка, начинайте уже учиться.

Он, как и большинство наших друзей, думает, что суровость моих родителей – следствие моей плохой учебы. Только Сидни знает правду.

– Они разрешили мне пойти на капустник. И домой только к полуночи.

Может, если я ненавязчиво дам ему знать, что буду свободна в субботу, он сообразит, как этим воспользоваться?

Он кивает в сторону роз.

– Ну что, она поняла, от кого это?

На секунду у меня перехватывает дыхание.

– Откуда ты знаешь, что в букете не было записки?

Мэтью подмигивает.

– У меня свои источники. Увидимся завтра.

Покачивая головой, он в последний раз оглядывает меня с ног до головы и говорит:

– Угум-м... Нет, ты слишком симпатичная, чтобы работать за сценой. – С этими словами он исчезает.

И это все? У нас был шанс побыть наедине и он уходит?

Внутри у меня что-то сжимается. Я стараюсь не делать поспешных выводов, прокручиваю в голове список возможных объяснений. Может, у него друг сохнет по Сидни и Мэтью пошел на разведку. Но в его голосе звучала какая-то неуверенность, уязвимость. Единственное мое утешение – если Мэтью и купил Сидни розы, она не потрудилась даже забрать их домой.

Я стискиваю зубы и достаю из кошелька маленький ключик, чтобы отпереть шкаф, где хранится секретное оружие костюмера: пульверизатор со смесью воды и водки. Дешевый способ освежить костюмы. Мисс Сантана уверяет, что никогда раньше не доверяла ученикам пользоваться пульверизатором без надзора. Хорошо, что хоть один взрослый не потерял в меня веры, но, если бы папа с мамой узнали, у нее точно были бы неприятности.

Я слышу шаги, и в комнату заглядывает Томми Тоф – это он придумал декорации и вообще рулит всей технической поддержкой.

– Классно все сегодня прошло, а?

Я опрыскиваю тяжелое, расшитое бисером платье, которое явно нуждается в том, чтобы его освежили.

– Ага. Как по маслу.

– Все остальные уже ушли. Как закончишь, я провожу тебя до машины.

Если бы существовала награда за воспитание вежливых детей, родители Томми получили бы приз за первое место.

Еще в пятом классе, когда мы с ним участвовали в патруле «За безопасность дорожного движения», он всегда вызывался нести дорожные знаки.

Я выхожу из комнаты и направляюсь в мужскую гримерку, чтобы и там привести костюмы в порядок.

– Да не беспокойся, я припарковалась совсем рядом.

Томми следует за мной.

– У тебя все в порядке?

Я складываю штаны Мэтью, которые он оставил висеть на стуле.

– Конечно. Просто неделя выдалась трудная.

Томми разводит руками.

– Да, и честно говоря, мы с тобой вдвоем выполняем львиную часть работы за сценой.

Ну да, мы хребет спектакля. Но никаких аплодисментов. Никаких роз. Я моргаю, чтобы слезы высохли, и поворачиваюсь к нему.

– Ты просто потрясающую работу проделал, Томми. Никто, кроме тебя, не сделал бы такие декорации.

На сцене истерзанная войной афганская деревушка всего за минуту превращается в токийскую дискотеку.

Томми пожимает плечами.

– Не скромничай. Ты заслуживаешь благодарности не меньше, чем актеры.

– В работе за сценой есть свои преимущества.

Мои брови ползут вверх.

– Назови хоть одно.

– Ты не привлекаешь внимания.

Я издаю смешок, нечто среднее между стоном и фырканьем.

– По-твоему, это преимущество?

Он опять пожимает плечами. Едва я заканчиваю возиться с костюмами, звонит телефон. Это сообщение от мамы: она напоминает, что через сорок минут я должна быть дома. Я вздыхаю. Опять меня дернули за поводок. Удалив сообщение, я замечаю, что Мэтью оставил открытым сайт НЕРВа – игры, в которую я точно не решусь сыграть. Я поворачиваюсь к Томми.

– Как тебе кажется, я отчаянная?

Он отступает назад.

– Э-э, отчаянная? Не знаю. Но ты очень харизматичная. Помнишь, когда мы перешли в старшую школу, ты придумала новые слова для школьного гимна?

И это лучшее, за что меня помнят? Дурацкие, плохо срифмованные стишки? Поморщившись, я протягиваю ему телефон.

– Ты бы в это сыграл?

Он смотрит на экран.

– Не думаю. Слишком опасно.

– Не мое это, да?

– Я такого не говорил.

Стоя рядом с Томми, я изучаю сайт игры. Вот он, спи-

сок рискованных испытаний, которые нужно пройти, если хочешь попасть в прямой эфир. Всплывающая реклама, сулящая мгновенную славу. Видеоролик, в котором победители прошлого месяца присутствуют на премьере какого-то фильма. Две девушки демонстрируют украшения, которые они получили за пройденные испытания. Да уж, они точно в шоколаде.

Я просматриваю список. Большинство испытаний просто ужасные, но вот есть одно, где нужно пойти в кафе и опрокинуть на себя стакан воды, крича: «Холодная вода – горячее тело!» Звучит довольно глупо, но это лучше, чем воровать лак для ногтей или даже только притворяться, что ты это делаешь. Я смотрю на часы. «Кофейник» находится на полпути до дома. Если поторопиться, можно успеть.

Может, хоть так мне удастся убрать «крошку» из лексикона Мэтью: он присоединяет это слово к моему имени даже в эсэмэсках – он шлет их мне постоянно, с тех пор, как мы начали репетиции. Всегда что-нибудь милое и даже игривое, особенно поздно вечером.

Я смотрю Томми в глаза.

– Хочешь сделать кое-что необычное?

Щеки у него розовеют.

– Ты же не собираешься участвовать в отборе, правда?

– Нет, конечно. Да и все равно я уже, наверное, опоздала.

Но разве не интересно попробовать? Просто посмотреть, на что это похоже?

– Э-э, да нет, вообще-то. – Он быстро моргает, будто ему уже пора снимать контактные линзы. – Ты ведь понимаешь, что все это будет на сайте и смотри кто хочет? Отборочные испытания можно смотреть бесплатно и народу там куча?

– Ну да, в этом и смысл!

Он склоняет голову набок.

– Ты уверена, что с тобой все нормально?

Я иду в кабинет, чтобы поставить пульверизатор на место.

– Все нормально. Тебе не обязательно со мной ехать. Я просто подумала, что это будет весело.

– Может, и будет, – Томми кивает, и внезапно принимает решение. – Окей. Я сниму тебя.

Ах да. Я совсем забыла: кто-то должен снимать, как ты рискуешь. Я хватаю сумку и направляюсь к выходу, чувствуя себя Ларой Крофт.

– Круто. Пошли.

Томми догоняет меня.

– Можем поехать на моей машине. – Родители подарили ему на день рождения «Ауди», достойное участия в съемках боевика.

– Нет, на моей, – говорю я. Это мое испытание.

В воздухе чувствуется влажность. Я собираюсь облить себя водой в кафе, но делать этого вообще-то не хочется. Мы с Томми спешим к моей машине, десятилетнему «Субару», руль которого вихляет каждый раз, как я жму на тормоза. Но это моя машинка, и она очень уютная. Мы забираемся

внутри, и я отъезжаю с парковки.

Пытаюсь подпевать хип-хопу, который передают по радио, но голос все время срывается.

– Как ты думаешь, кто-нибудь в «Кофейнике» догадается, что я прохожу испытание для НЕРВа?

Он внимательно рассматривает мою «торпеду», будто ожидал найти там что-то более интересное, чем допотопную саунд-систему с маленьким стикером, на котором от руки написано: «ПОДДАЙ ЗВУКУ!»

– Не думаю, что посетители «Кофейника» входят в таргет-группу НЕРВа.

Забавно, как легко словечко «таргет-группа» слетает у него с языка! Можно подумать, он уже работает в рекламе. Такое я обычно слышу от папы. Внезапно мне становится неуютно. Я вспоминаю бледное папино лицо над моей кроваткой в больнице несколько месяцев назад: он все качал головой и говорил, как это на меня не похоже – устроить такое. Девчонки вроде меня не паркуются в гараже с незаглушенным мотором. «Вот именно», – говорила ему я.

Я отбрасываю эту мысль.

– Значит, я буду валять дурака на глазах у кучи народа, которые и понятия не имеют, что все это ради игры. Просто прекрасно.

В прошлом месяце, когда показывали отборочные ролики, ведущий все время напоминал публике страшным шепотом, что игрокам нельзя говорить окружающим, что они на

задании.

Томми поднимает брови, как бы говоря: «А ты чего ожидала?» – но он слишком вежлив, чтобы произнести это вслух. Вместо этого он рассказывает о фильме про бизнес-школу в самурайском духе, где студенты должны были петь на оживленном перекрестке, чтобы избавиться от внутренних ограничений.

– Может, для тебя это будет даже полезно, – говорит он.

Я гляжу на него повнимательней. Вообще-то он гораздо симпатичнее, чем я всегда думала, но мы просто друзья. У него приятные черты лица, держится уверенно, у него богатые родители. И десяти лет не пройдет после выпуска, а он уже будет куда-нибудь баллотироваться.

И тут я вспоминаю, что не успела заполнить анкету участника.

– Можно тебя попросить: зайди на страницу НЕРВа и заполни за меня анкету, – говорю я.

Томми достает телефон. Он читает вопросы вслух и печатает мои ответы. Адрес, телефон, имейл, дата рождения (я родилась 24 декабря, в канун Рождества, в почти «главный день года»). В список лиц, к которым можно обратиться, если произойдет несчастный случай (ну и перестраховщики, что может случиться за две минуты?), я вношу Сидни, Лив, Юлай, Томми и, просто ради смеха, Мэтью.

Через пять минут, сделав два круга, я нахожу место для парковки за квартал от «Кофейника». Накопленное за день

тепло исчезло, и прогулка до машины после испытания обещает быть малоприятной. Если я, конечно, на это решусь, в чем какая-то часть меня начинает сомневаться.

Я отдаю Томми мой пиджак.

– Подержишь пока, чтобы я смогла потом надеть что-то сухое?

– Может, мне и сумочку твою тоже подержать, на всякий случай?

Ну какой другой парень вспомнил бы о моей сумочке? Я вздрагиваю.

– Да, хорошая мысль.

Томми держит мои вещи очень осторожно, будто боится запачкать – что, честно говоря, не стало бы катастрофой, поскольку я все покупаю за полцены в «Винтаж Лав», где и работаю.

Мы входим в кафе, и сердце у меня начинает бешено стучать: я вижу, что зал набит битком. Одно дело – выбирать испытание в списке у себя в телефоне, и совсем другое – пройти через него на публике. Зрители, вот в чем проблема. Как в тот раз на прослушивании для школьного спектакля, где я с треском провалилась. Или еще можно вспомнить доклады по истории – как я стояла, потая, перед всем классом. И как это вышло, что я решила сыграть в эту игру?

Я делаю глубокий вдох и представляю себе Мэтью. Вспоминаю, как он целует Сидни на сцене, а я гляжу из-за кулис. Да, совершенно очевидно, что я пытаюсь что-то дока-

зять. Спасибо тебе, «Курс введения в психологию».

Томми находит место у большого стола в центре зала и ставит наши вещи. Возится с телефоном.

– На сайте НЕРВа сказано, что нужно снимать видео и одновременно пересылать к ним на сайт, чтобы мы не смогли потом ничего изменить. Я начну, как только ты будешь готова.

– Окей. – Я встаю в конец очереди, борясь со странным ощущением, что мои ноги мне не принадлежат. Приходится полностью сосредоточиться, чтобы переставлять одну свинцовую ногу за другой, будто я бреду по колено в густом сиропе. Дыши, дыши, дыши. Если бы только тут не пахло так сильно кофе. Вентиляция у них тут – полный отстой. Волосы и одежда еще надолго сохраняют этот запах. Заметит ли мама?

Парочка передо мной спорит, заказывать ли на ночь чай масала, ведь он содержит кофеин. Несколько девушек перед ними засыпают баристу вопросами о калориях. Их болтовня действует мне на нервы. Хочется заорать, что тем, кто озабочен подсчетом калорий, нечего делать в кафе с таким роскошным выбором пирожных.

Я машу одному из бариста, пытаюсь привлечь его внимание. Он только улыбается и продолжает готовить эспрессо. Часы на стене показывают 9:37. Черт, через двадцать три минуты я должна быть дома, а ведь еще нужно подбросить Томми до его машины. Я проталкиваюсь к стойке; в спину мне летят раздраженные комментарии. Может, когда они

поймут, что я задумала, они заткнутся. Никому неохота связываться с психами. На углу стойки стоит кувшин воды со льдом и стопка пластиковых стаканчиков. Я наполняю один и возвращаюсь к Томми, стараясь не расплескать воду, хотя ноги и руки у меня дрожат.

Девять тридцать девять. Я делаю вдох и киваю Томми, а тот направляет на меня телефон и что-то говорит – не могу разобрать что. Кто-то из окружающих хмурится и кидает на меня подозрительные взгляды. Томми тихонько мне улыбается и показывает большой палец, и в груди у меня поднимается волна благодарности.

Одна я бы ничего не смогла. Может, и так не смогу. Я не могу прекратить трястись, и мне приходится сдерживать слезы. Господи, какая же я тряпка. Неудивительно, что на прослушиваниях я начинала задыхаться. Я смотрю на часы, и мне вдруг кажется, что они висят в конце длинного туннеля. Все вокруг отступает в темноту. Все, что я вижу, – это часы, пульсирующие как «сердце-обличитель» Эдгара По³. Это просто смешно. Всего один стакан воды, всего одна фраза, которую надо произнести. Сидни вылила бы на себя весь кувшин, распевая при этом любимую арию из «Отверженных». Конечно, я – не она.

Стук сердца перерастает в грохот, и голова становится совсем легкой. Каждая молекула в моем теле хочет бежать. Или

³ «Сердце-обличитель» – один из «страшных» рассказов Эдгара Аллана По, классика готического жанра.

кричать. Или и то, и другое. Я приказываю себе дышать. Испытание закончится через минуту. Я смогу выдержать этот ужас, осталось совсем немного. Я вытираю щеку. Когда часы на стене показывают 9:40, я прочищаю пересохшее горло.

Смогу ли я это сделать? Вопрос все еще стучит у меня в мозг, когда я поднимаю над головой стаканчик. Удивительно, но руки у меня еще работают. Тихо, почти шепотом, я говорю: «Холодная вода – горячее тело». И капаю немного себе на голову. Томми щурится, будто не расслышал. Я повышаю голос и хрипло выкрикиваю: «Холодная вода – горячее тело!» – и выливаю воду себе прямо на голову. Как холодно! Шок прочищает мне мозг. О господи, я это сделала! И теперь стою здесь, промокшая насквозь, и больше всего на свете жалею, что не могу стать невидимкой.

Женщина рядом с визгом отпрыгивает в сторону:

– Какого хрена?!

– Извините, – говорю я. С носа у меня капает вода. Нужно что-то делать дальше, но меня будто парализовало. Все тело застыло, кроме глаз, которые впитывают миллион деталей в секунду – одна унизительнее другой. С огромным усилием я стряхиваю оцепенение и вытираю нос рукой. Какой-то тип рядом фотографирует меня на телефон. Я раздраженно смотрю на него, и он снимает еще раз.

Томми опускает телефон и глядит на меня широко открытыми глазами.

– Э-э, Ви, о господи, твоя блузка... – Он указывает на мою

грудь; на лице у него написан ужас. Я смотрю вниз, но тут ко мне подбегает бариста. В руках у него тряпка, и он сердито смотрит на лужу у моих ног.

– Я сама вытру, – говорю я, протягивая руку за тряпкой. И почему я не додумалась взять салфетки?

Он отдергивает тряпку.

– Думаете, я вам это доверю? Отойдите, пожалуйста. И если ничего не собираетесь заказывать, лучше уходите.

Черт. Вроде, в блендер я ему еще не плюнула.

– Простите. – Я спешу к двери. Воздух на улице впивается в мою влажную рубашку, будто я прыгнула в озеро Вашингтон.

Томми догоняет меня и протягивает пиджак.

– Надень это сейчас же!

Я смотрю на свою блузку при свете дня и перестаю дышать. Вот чего я не учла перед тем, как вылить на себя воду... Блузка из белого хлопка, а лифчик – из тонкого шелка. Я ведь костюмерша, а еще подрабатываю в магазине одежды! Уж я-то должна была догадаться, какое действие стакан воды окажет на ткань. С тем же успехом можно было бы надеть мокрую футболку. Перед камерой.

Господи, что я наделала?

Два

Я хватаюсь за телефон Томми.

– Сотри видео!

– Я не могу. Все транслировалось вживую.

Я прижимаю к груди пиджак.

– Почему ты не остановился, когда увидел, что произошло?

Он потирает голову.

– Я был слишком занят, пытаюсь удержать тебя в кадре, и не заметил, пока не опустил камеру. Только без паники, ладно? На видео все выглядит по-другому. Может быть, учитывая освещение в кафе и низкое разрешение камеры...

Но вид у него не слишком уверенный.

– А ты можешь это как-то проверить?

Ну почему я не надела тот розовый лифчик с дополнительной подкладкой?

– Нет, у меня телефон не сохраняет записи видеочатов. Слишком много памяти занимают.

Мы забираемся в машину, и я с трудом натягиваю пиджак, повернувшись к Томми спиной. Через пятнадцать минут я должна быть дома. Я завожу машину, запускаю обогрев на полную мощность и мчусь назад, к школьному концертному залу.

Томми напряженно возится с телефоном.

– Может, есть способ отозвать твоё видео.

– Да, сделай это, пожалуйста! Скажи им, что ты не получил моего согласия.

Ещё пара минут, и он прочищает горло.

– Тут сказано, что все ролики становятся их собственностью. Зарегистрировавшись, ты передала им права на видео.

Я ударяю кулаком по приборной панели.

– Аргх!

На этом разговор окончен, мы на парковке. Прежде чем выйти, Томми говорит мне:

– Помни, роликов там тысячи, и большинство из них гораздо хуже, чем твой. Народ готов на любое безумие, только бы попасть в прямой эфир.

– Надеюсь, ты прав. Слушай, я должна быть дома через девять минут, или... Ну, просто должна.

– Обещаю, я никому не скажу, – он кладет руку на сердце. Потом захлопывает дверь.

Я сглатываю и жму на газ. Чувствую себя опустошенной. Как я могла быть настолько глупой? Безрассудство никогда не было частью моей натуры. Застенчивая, старательная, верная... все эти нудные козорожки качества – да, вот это я.

Я мчусь домой на максимальной скорости – это тоже что-то новое для меня. Но недостаточно быстро. Уже две минуты десятого, когда я вхожу в коридор, который соединяет гараж с задней частью дома.

Мама ждет меня, как ангел возмездия.

– Где ты была?

– На спектакле. Проблема с раковиной в гримерке, и меня окатило водой. Я постаралась обсушиться так быстро, как только могла. Прости, пожалуйста, что я чуть-чуть опоздала.

Врать вот так – меня от этого тошнит, но скажи я правду, никому от этого не станет лучше.

Мама нависает надо мной с суровым выражением на лице.

– Ты обещала быть дома к десяти.

– Мам, ну пожалуйста! Это был несчастный случай. – Как только слова вылетают у меня изо рта, я осознаю свою ошибку. Назвать что бы то ни было «несчастливым случаем» – не лучшая стратегия в отношении моих родителей, даже сейчас, пять месяцев спустя.

Из кухни выходит папа.

– Что случилось?

Ну кого еще в старшей школе родители ждут дома к десяти вечера?

Я плотнее стягиваю на груди пиджак и приглаживаю волосы.

– Да ничего, просто раковину прорвало, и я немного облилась. Простите, пожалуйста.

Папин голос звучит легко, но выражение лица не соответствует этому тону.

– Почему ты не позвонила?

– Думала, успею вовремя. Но мне не повезло со светофорами.

Можно ли как-то проверить трафик между домом и концертным залом, чтобы разоблачить эту последнюю ложь?

Он становится рядом с мамой. Я стою перед ними и хочу одного – поскорее снять мокрую одежду. Они переглядываются.

Я скрещиваю руки на груди.

– Все мои друзья сейчас на вечеринке. Мне нужно было вывести пятна с костюмов и разобраться со сломанной раковине. Вам не кажется, что я уже достаточно наказана за двухминутное опоздание?

Они опять переглядываются, а потом папа вздыхает.

– Окей. Мы тебе верим.

Чувство вины сдавливают мне грудь, но, в самом деле, что я такого сделала? Если не считать того, что разделась перед кто-знает-сколькими зрителями онлайн.

– Спасибо. Мне пора в кровать. Все-таки завтра в школу. – Я задерживаю дыхание, надеясь, что не переиграла, изображая ответственную дочь.

– Спокойной ночи, крошка, – говорят они хором, а потом по очереди обнимают меня. Иногда мне кажется, было бы легче, не будь я единственным ребенком. Может, им еще не поздно завести второго? Фу-у, лучше об этом не думать.

Пока я готовлюсь ко сну у себя наверху, в голове продолжают крутиться события вечера. Надеюсь, Томми прав и мое видео затеряется в лавине других. И все же я ворочаюсь в кровати всю ночь – и в пять утра наконец сдаюсь, понимая,

что заснуть уже не получится. У меня теперь целых два лишних часа перед школой, и надо бы потратить их с пользой – например, доделать домашнюю работу. Но едва встав с кровати, я хватаюсь за телефон. Нет, погодите-ка, гораздо быстрее просматривать ролики на компьютере. Я сажусь за стол и трясущимися руками включаю ноутбук.

Пара минут, чтобы зайти на сайт НЕРВа и сообразить, как у них организована работа с заявками. Я кликаю на ссылку, всплывает рекламка с напоминанием, что на первой игре один парень выиграл поездку в Италию и неделю тренировок с велосипедной командой «Тур де Франс», а одна девушка получила стажировку на MTV. Везде фотки улыбающихся победителей. Не так уж плохо в обмен на одну кошмарную ночь...

Пока я лазаю по сайту, настроение у меня улучшается. Заявки подали более пяти тысяч человек. В субботу вечером НЕРВ выберет участников из двенадцати городов и проведет следующий тур в прямом эфире. В прошлый раз половину лучших игроков на финальные испытания «все или ничего» отвезли в Нью-Йорк, а другую половину – в Лас-Вегас. Я чувствую легкий приступ головокружения, когда замечаю, что испытание с кафе выбрало меньше всего участников. Может, потому, что оно выглядело самым простым, а просто – все равно, что скучно. Прекрасно... Я кликаю, чтобы открыть категорию, а потом проматываю вниз колонку с видеоклипами, и вдруг мое сердце замирает от узнавания.

Стоп-кадр: мое лицо, перекошенное и залитое водой. Я вижу, что ролик набрал более восьмидесяти комментов. Ой-ой. Это в два раза больше, чем у всех остальных в этой категории.

Делаю глубокий вдох и запускаю видео. Вот она я, с несчастным выражением лица, смотрю то на часы на стене, то в камеру Томми. Чувствую себя идиоткой. И выгляжу идиоткой. С чего я решила, этот хорошая идея? Потому что Сидни получила цветы, а я – нет? Это просто смешно. Пора бы уже привыкнуть.

Голос Томми за кадром: «Самая милая и разумная девушка из всех, кого я знаю, собирается сделать нечто, что выходит далеко за пределы ее зоны комфорта. Сможет ли она через это пройти?»

Я и не заметила, что Томми комментирует. Зачем это он? Я-на-видео замираю в нерешительности, будто ответ на вопрос Томми – нет, ни хрена она не сможет через это пройти. Но вот девушка на видео выливает воду себе на голову и начинает отплевываться. Томми-комментатор говорит: «Ох».

А потом ролик демонстрирует очень мокрую девушку с очень маленькой грудью. Сбылись мои худшие опасения.

Я читаю комментарии и чувствую, как в животе поднимается волна тошноты. «Классные изюминки!» – и это только один коммент. И самый доброжелательный. Я захлопываю ноут, падаю обратно в кровать и с головой накрываюсь одеялом.

Через час телефон жужжит – пришло сообщение. Я игнорирую его, как и следующее. Мои друзья уже видели это? Зарываюсь под одеяло еще глубже.

В семь тридцать мама зовет через дверь:

– Детка, ты в порядке? Опоздаешь.

– Все хорошо, я почти готова, – вру я.

– Можно войти?

– Э-э, погоди. – Быстро натягиваю джинсы и топ, а потом, подавив зевок, открываю дверь. Мама заглядывает в комнату через мое плечо, пытаюсь, вероятно, разглядеть трубку для крэка.

– Я вчера сварила суп со спаржей. Хочешь?

– Звучит здорово. Спасибо.

Закрыв дверь, бросаюсь к телефону. Сообщения от Сидни и Лив насчет вчерашней вечеринки, в основном насчет того, как им жаль, что я не пришла. Последнее послание – от Томми: «Позвони мне!» Когда он поднимает трубку, я выпаливаю:

– Я видела. Это ужасно. И зачем ты еще комментировать начал?

На его комментарии мне наплевать, но это проще, чем спросить, что он думает о моей груди.

– Я пытался сделать так, чтобы было интереснее. И чтобы у тебя было оправдание... на всякий случай.

– На случай, если бы я струсилась?

– На случай, если бы ты передумала. В этом нет ничего

стыдного.

Я потираю висок.

– Ну, спасибо, наверное... В любом случае твои комментарии – гораздо более милые, чем то, что другие написали. Ты видел, какую мерзость там пишут?

Он прочищает горло.

– Просто не обращай внимания. Все не так уж плохо. Некоторые клипы с голой задницей собрали по три сотни комментов.

– Неужели я ничего не могу сделать, чтобы заставить их убрать видео? Это же, наверное, незаконно, если они размещают видео, где несовершеннолетняя обнажает, м-м-м, грудь?

– Ну, никто, похоже, не возражает насчет видео с задницами. Все, что предоставляет участникам НЕРВ, – анкета, которую нужно заполнить, и ссылки для загрузки видео. Нет никакого способа связаться с ними напрямую. Я не могу выследить их даже через домашнюю страницу – похоже, они где-то за границей и прыгают с сервера на сервер.

Я потираю лоб рукой.

– Спасибо, что попытался, Томми.

– Если мы никому не скажем, есть шанс, что этого никто и никогда не увидит. А завтра вечером НЕРВ начнет отбор в прямом эфире, и все переключатся на них.

Мне хочется ему верить. Логика в его словах есть, голос звучит успокаивающе.

– Ладно, пусть все, что случилось в «Кофейнике», останется в «Кофейнике».

– Вот именно.

Я благодарю его и вешаю трубку. По дороге в школу у меня трясутся руки и ноги, но, похоже, мои страхи напрасны. Все ведут себя совершенно нормально. Первый раз в жизни мне хочется сказать директору спасибо: телефоны на территории школы запрещены. Исключение только для экстренных ситуаций. День идет своим чередом, я притворяюсь, что все в порядке, и к обеду уже почти успокоилась.

После полудня, проходя мимо Томми, который стоит у своего шкафчика, я шепчу:

– Пока все тихо.

После школы я стремительно делаю домашнее задание, перекусываю на скорую руку – аппетита у меня нет – и обещаю маме, что вернусь вовремя. Примерно в пять я отправляюсь в театр и окунаюсь в атмосферу радостного волнения перед началом спектакля. Первое мое побуждение – зайти в будку осветителей, увидеться с Томми, но Сидни выбегает мне навстречу, чтобы показать хвалебный отзыв на спектакль: там сказано, что в старшей школе «Чинука» растят будущих звезд, а рядом большая фотография – Сидни отвечает Мэтью пощечину.

Глаза у нее сияют:

– Обожаю эту сцену.

К нам подходит Мэтью, потирая щеку, будто она до сих

пор болит.

– Мне кажется, ты любишь ее даже чересчур.

Я вглядываюсь в их лица, ищу признаки того, что им что-то известно. Не нахожу ничего подозрительного в глазах Сидни, которые она демонстративно закатывает, прежде чем удалиться в гримерку. Взгляд Мэтью следует за ней, но только на секунду, а затем возвращается ко мне.

Он нажимает мне пальцем на нос.

– Готова заняться моим гримом, крошка Ви?

– Конечно. – Я подхватываю чемоданчик с косметикой и иду следом за ним в мужскую гримерку, где, кроме нас, никого нет.

Достаю твердую основу под грим, быстро наливаю стакан воды из-под крана. Мэтью стягивает волосы в хвостик сзади, пока я смачиваю спонж и приступаю к работе. Когда я наклоняюсь над ним, чтобы нанести основу, он кладет руку мне на бедро. Мне кажется, я чувствую тепло его ладони сквозь ткань.

– Мне не хватало тебя у Эшли вчера вечером, – голос его звучит хрипло.

Вау, он никогда раньше не говорил, что ему меня не хватает. Может, у меня все-таки «намечается» нечто большее, чем я думала.

– Да, жалко, что я не смогла пойти. В школу надо было на следующий день. Завтрашний капуста будет круче.

– Точно не сможешь выбраться сегодня вечером? Даже ко-

фе попить или что-то типа того? – Он легонько сжимает мне бедро. Кофе? Я вздрагиваю. Не может быть, чтобы он видел тот ролик, верно?

– Мне бы очень хотелось, но лучше завтра, хорошо? – Негнущимися пальцами выуживаю из косметички контурный крем для линий носа и челюсти.

Мне хочется расспросить его о внезапном интересе к кофе, но тут входят еще двое парней и исчезают за занавеской, чтобы переодеться. Пока я работаю, в комнате все прибавляется народу, и всякая возможность для личного разговора исчезает. Когда я заканчиваю с Мэтью, у кресла уже выстроилась очередь. Потом я перебираюсь в гримерку к девушкам. Большинство из них сами красятся и делают себе прически, мне остаются только последние штрихи. Приходится спешить: мне ведь еще раздвигать занавес перед первым актом. Давно пора поручить это кому-нибудь другому, но вся команда по реквизиту и спецэффектам занята перед сценой в афганской деревушке.

Открыв занавес, я оглядываю актеров, чтобы убедиться: все выглядят именно так, как нужно. В женской гримерке Эшли и Риа о чем-то шепчутся, но умолкают, как только я вхожу. Не то чтобы мы были лучшими подругами, но раньше они никогда так себя не вели.

Я собираю использованные спонжи, чтобы продезинфицировать.

– Похоже, вчера вечером все классно провели время.

Жаль, что родители не разрешили мне прийти.

Эшли кивает.

– Да я понимаю. – Она прыскает на себя еще спрея для волос, хотя ее прическа залита лаком сильнее, чем проект по декупажу.

– Как себя чувствуешь, Ви?

От этого вопроса плечи у меня каменеют и к горлу подкапывает тошнота. Это тот самый вопрос, который все задавали мне пять месяцев назад – после того как я провела неделю в больнице. Я на автомате выдаю привычный ответ:

– Все круто. А почему ты спрашиваешь?

– Да так просто. Выглядишь немного усталой.

Мило. Это говорят друг другу дамы среднего возраста вместо «что-то ты постарела».

– Наверное, надо мне самой попробовать загримироваться. – Я выдавливаю смешок и убегая в мужскую гримерку.

Джон и Макс как-то странно ухмыляются. Или это у меня разыгралось воображение? Я же параноик, верно? Эти парни всегда ухмыляются. Стараясь не встречаться с ними глазами, я убираю инструменты и направляюсь к пожарному выходу, где, по счастью, никого нет – спасибо суровым законам Сиэтла насчет курения.

Достаю телефон и захожу на сайт НЕРВа. Под моим видео уже сто пятьдесят комментов. Хватит ли у меня храбрости их прочесть? Это страшно унижительно, и все же какая-то часть меня, пусть и совсем крохотная, польщена вниманием.

Не настолько, конечно, чтобы и в самом деле читать комментарии. Я перехожу на любимый шоппинг-сайт и добавляю в свой виш-лист парочку элитных средств по уходу за волосами, хотя на самом деле все, что мне нужно, – это хорошая стрижка.

Меня бьет дрожь. Как же не хочется возвращаться внутрь, задергивать занавес перед антрактом! Что если я просто не пойду, брошу это на кого-то другого? Но, конечно, я этого не сделаю. Я ведь ответственная, и не важно, что думают мои родители.

Сделав глубокий вдох, я возвращаюсь в театр и пробираюсь за кулисы. Действие заканчивается, я закрываю занавес и собираюсь сбежать обратно к пожарному выходу, но меня догоняет Сидни.

– Надо поговорить.

Попалась. Я не останавливаюсь, но она идет за мной наружу, тянет за руку.

– Мэтью только что шепнул мне, что ты играешь в НЕРВ. О чем это он?

Из меня как будто выпустили весь воздух. Прислонившись к шершавой кирпичной стене, я говорю:

– Ладно, только не злись. Просто я так расстроилась, что мне нельзя было пойти на вечеринку к Эшли вчера вечером! Вот и прошла маленькое испытание, на отбор.

– Ты сделала ЧТО?

– Знаю, это было глупо. И потом... все получилось не со-

всем как надо. Нужно было вылить себе на голову стакан воды, и моя блузка сделалась совершенно прозрачной, и... Господи, я просто не знаю, что делать! – Я прячу лицо в ладонях.

Сидни фыркает.

– Ладно тебе! Это еще не катастрофа. Мы что-нибудь придумаем. Где твой телефон?

Ядвигаю локтем в сторону кармана – убирать руки от лица мне не хочется. Сидни вылавливает телефон, и я слышу, как она что-то там нажимает. Конечно, она знает, где что искать, она ведь и сама хотела участвовать. На секунду меня охватывает злорадство: мне ведь и в самом деле удалось сделать что-то такое, на что Сидни не решилась. Но это чувство быстро увядает: ведь Сидни никогда бы не влипла в такую глупую историю.

– Так какое испытание ты прошла? – спрашивает она.

– В кафе, – отвечаю я сквозь пальцы.

Клик. Потом:

– О, я вижу.

Я опускаю ладони.

– Я тебе говорила.

Лицо ее серьезно.

– Окей. Ладно, давай подумаем...

Мало того что Сидни красавица и блондинка, оценки у нее в среднем не ниже «А».

– Не о чем тут думать. Я хочу домой.

– Нет-нет-нет, сбежишь – только хуже будет. И потом, не

так уж много тут видно. Ты же не голая была. Может, мы сможем еще повернуть все это в твою пользу. Куча знаменитостей получила свой первый шанс после утечки записей с их сексуальными забавами.

– Э-э, нет! Участвовать в реалити-шоу я не собираюсь!

– Окей, но все те девчонки прошли через это с высоко поднятой головой. Так что правило первое: не оправдываться! Если кто-то об этом заговорит, улыбайся и пожимай плечами. Типа – ой, да ладно, с кем не бывает!

Я забираю у нее телефон и начинаю просматривать комментарии. И, конечно, среди них есть один от Мэтью: «Крошка Ви, не знал, что ты на такое способна!»

Прелестно. Я закрываю сайт и проверяю сообщения. Появилось несколько новых – от друзей, с вопросами в теме письма, с кучей вопросительных и восклицательных знаков. И еще одно – от девчонки, с которой я едва знакома, в теме – ШЛЮХА. Откуда у нее мой контакт? Я стираю ее сообщение, потом выключаю телефон.

Сидни стоит у дверей.

– Ты готова?

– Да, наверное. – Я стараюсь держать голову высоко, и мы решительно направляемся в сторону женской гримерки. Боковым зрением вижу лица, поворачивающиеся в мою сторону.

Когда мы входим, Сидни заявляет:

– У моей лучшей подруги хватило пороку пройти испы-

тание для НЕРВа!

Девчонки смотрят на меня растерянно, но когда я, перехватив их взгляды, пожимаю плечами и улыбаюсь, они начинают хихикать и кричать «Дай пять!» Это что, происходит на самом деле? Они спрашивают, сильно ли я нервничала и нарочно ли я надела такую блузку. Я честно отвечаю, не отвожу глаза и не сутулюсь. Чем больше я об этом говорю, тем лучше себя чувствую.

Подходит Мэтью и глядит на меня с голодной усмешкой.

– Эй, девушка из кафе! Мне, пожалуйста, двойные взбитые сливки.

Борясь со смущением, я позволяю ему крепко себя обнять. Он шепчет мне на ухо:

– Говорил я тебе, твое место – на сцене.

Потом он меня отпускает, достает телефон и показывает ролик всем желающим. Я смеюсь вместе со всеми, кто толпится вокруг, хотя единственное, чего мне хочется, – чтобы он его выключил. Голову выше, голову выше! Надеюсь, со временем изображать уверенность перед лицом катастрофы станет легче. После второго просмотра в дверях появляется Томми, который явно ничего не понимает.

Мэтью помахивает телефоном.

– Эй, чувак, видел ролик Ви для НЕРВа?

– Это голос Томми за кадром, – говорю я громко.

Брови у всех лезут вверх, а Мэтью хлопает Томми по спине.

– Неплохая работа! Йо, гримерка рулит на сцене!

Мы хохочем, а Мэтью снова запускает ролик. Томми восторженно смотрит на меня. Я только пожимаю плечами. К счастью, лампочки над головой наконец мигают – сигнал, что до конца антракта осталась минута.

Когда Мэтью выходит из комнаты, я оттаскиваю его в сторону.

– Кстати, как ты нашел мое видео?

Он пожимает плечами.

– Они мне его прислали. – А потом уходит.

Я стою одна посреди гримерки, тяжело дыша, будто только что пробежала стометровку. Зачем это НЕРВ послал мой ролик Мэтью? А потом до меня доходит. Он был в списке лиц, к которым можно обратиться, если произойдет несчастный случай. Странно, что они не послали видео Сидни или Томми.

Мне ужасно хочется сбежать на пожарный выход, но я изо всех сил стараюсь вести себя как обычно и, заняв свое место за кулисами, шепотом повторяю каждую реплику вместе с актерами. Шоу должно продолжаться. Так оно и делает, гладко, как и накануне. Когда дело доходит до поцелуя, я представляю себе, что это меня Мэтью держит в объятиях. И, я уверена, он смотрит прямо на меня, когда их губы встречаются. Секунда, вторая, третья – и они отодвигаются друг от друга. Может, завтра на капустнике настанет и моя очередь.

После пьесы заходят мои подруги Лив и Юлай поздравить

всех – и, очевидно, проверить, как там я, поскольку каждая послала мне уже не меньше пяти сообщений с вопросами насчет видео, которое НЕРВ разослал им во время спектакля. Я уверяю их, что просто дурачилась и все в полном порядке. Они обе отличницы и смотрят на все это более скептически, чем остальные мои друзья, но, похоже, решают оставить эту тему. На время.

– Хочешь, посидим у меня немного, прежде чем тебе надо будет идти домой? – спрашивает Лив.

– Мне бы очень хотелось, но пока мы к тебе доберемся, останется всего десять минут. Вы же придете завтра, да? – Это они сделали все плакаты для спектакля и расхвалили его в статье для школьной газеты, так что доступ на капустник для них открыт.

Юлай смеется.

– Я упираюсь, но Лив меня тащит, так что да.

Она скрещивает руки на груди: высокая, стройная, но одета при этом в невыразительные джинсы и свитер. Вот уж кому мне хотелось бы помочь с радикальной переменой имиджа! Правильная одежда и макияж – и она могла бы сойти за сестру Сидни. Вот только она ужасно стеснительная, а Сидни... Ну, Сидни – душа компании.

Лив и Юлай уходят поздравлять остальных, а я привожу в порядок костюмы.

Ко мне присоединяется Мэтью – он плюхается в кресло и изучающее смотрит на меня.

– Не хочешь ли немного опоздать домой. В виде исключения? Я бы помог тебе снять еще парочку клипов.

– Ха! Если я опоздаю, меня навсегда посадят под домашний арест. Но до часа «икс» осталось еще тридцать пять минут. Двадцать из них можем провести здесь.

Он заглядывает в телефон.

– Черт, вряд ли за это время можно раздобыть выпивку.

– Да нам, в общем, это и не нужно, правда?

Он вытирает лоб.

– Тебе, может, и не нужно, но я хочу пить. И двадцать минут... ну, это все равно слишком мало, правда?

– Ну, думаю, да.

К дверям подваливают, толкаясь, его друзья.

– Давай, чувак! – кричат они.

Он встает и целует меня в макушку.

– Скорей бы уже завтрашний капустник. Надо бы повесить табличку «Не беспокоить» на дверях гримерки, а?

Ого! Я начинаю думать, что его планы насыщены событиями побольше моих, но в ответ говорю просто «Пока!»

Сидни, которая уже успела сменить корсет на мини-платье, прикрывающее куда меньше, чем театральный костюм, возвращается. За ней следуют Лив и Юлай.

– Думаю, у тебя получилось, – говорит она.

– Благодаря тебе. Хорошо вам повеселиться.

Хотя никаких вечеринок для труппы на этот день не запланировано, но все же это вечер пятницы. Сидни вздыхает.

– Как же я буду счастлива, когда закончится твой домашний арест!

– Остался всего один день.

Она грозит мне пальцем.

– Так не облажайся! Больше никаких рискованных испытаний, окей?

– Ты что, смеешься? Я прямо сейчас собираюсь домой.

Она обнимает меня на прощание; Лив и Юлай делают то же самое. Потом, как и накануне вечером, я остаюсь одна. Наведя порядок, я достаю телефон и читаю пару десятков сообщений. Большинство из них, как ни странно, довольно лестные. Уф.

Ближе к концу я натываюсь на послание от НЕРВа. Большой соблазн его стереть, но какого хрена? Может, они хотели меня поздравить с тем, что я получила столько внимания после довольно тупого испытания.

Я читаю сообщение и мое сердце начинает биться сильнее.

Привет, Ви!

У тебя появилась куча новых поклонников!

Мы приглашаем тебя принять участие в следующем туре и сделаем все, чтобы оно того стоило! Погляди-ка сюда.

Я кликаю на ссылку – неподвижный кадр из моего ролика в кафе, вот только они подредактировали картинку. На мне

отпадные, потрясающие туфли, которые я запостила на свою страничку в ThisIsMe пару недель назад. Ого! Там же лист ожидания на три месяца, только для того, чтобы купить их в коричневом варианте, а эти – цвета фламинго, ограниченная партия. У НЕРВа, должно быть, неплохие связи. Откуда они узнали, что я хочу эти туфли? Кто-то дал им доступ к моей странице?

Я дочитываю сообщение от НЕРВа.

Чтобы выиграть туфли, сегодня вечером вернись в кафе. Парень по имени Иэн (фото получишь позже) войдет туда в 9:40. Потребуй, чтобы он купил тебе латте. Пока он в очереди, ты должна стоять посреди кафе с закрытыми глазами и петь «Сто бутылок пива на стене стоят», пока он не принесет тебе латте.

Что? Зачем НЕРВу нужно, чтобы я вернулась в кафе, где выставила себя на посмеище? Ну да, конечно, где же еще мне будет больше всего не по себе? Хотя это не важно; я этого сделать не могу. Больше никаких испытаний. Я обещала Сидни.

Но эти туфли...

В конце концов, все вышло неплохо, верно? Ну и, кроме того, в этом испытании никакой воды не будет. Просто спеть и встретиться с каким-то парнем. Я так глубоко задумалась, что не заметила, как подошел Томми. Я показываю ему те-

лефон.

– Ну уж нет, – говорит он.

Я смотрю на часы на экране телефона.

– Если выехать сейчас, как раз успею.

Томми переминается с ноги на ногу.

– Если тебе так хочется участвовать, подпишись завтра в качестве Зрителя.

Но зачем мне платить, чтобы играть, если я могу играть и платить будут *мне*? Я и так всю жизнь была зрителем.

И потом, я так хочу эти туфли, просто чувствую запах кожи.

Мы стоим и сверлим друг друга взглядами, как ковбои на Диком Западе. Два тощих ковбоя, которые не смогли бы выстрелить из пистолета или проехаться на лошади, даже если бы от этого зависела их жизнь. Но чем больше я думаю об испытании, тем сильнее склоняюсь к «почему бы и нет?».

Томми, похоже, улавливает мое настроение. Он говорит:

– Что ж, если отговорить тебя нельзя, я поеду с тобой. Как видеооператор и телохранитель.

Я стараюсь не смеяться. Потому что компьютерный гений в качестве телохранителя – это все-таки лучше, чем ничего. Наверное. И мне действительно нужен кто-то, кто сможет все это снять. Из нас вышла неплохая команда.

– Но в этот раз поедem на разных машинах, мне нужно будет очень быстро вернуться домой, – говорю я.

По дороге к машине я открываю ссылку и быстро запол-

няю дополнительную форму, где требуется мое согласие на целый список условий. Я быстро их просматриваю и, нажав ОК, сую телефон в карман. Шея у меня мокрая.

Прежде чем сесть в машину, я спрашиваю у Томми:

– Думаешь, бариста вызовет полицию, как только увидит меня?

Он хмурится.

– Наверное, не сразу.

Непонятно почему, но его ответ меня ужасно веселит. «Не сразу» – пожалуй, это то, что нужно.

Три

Я паркую машину в 9:36 и, проверив на ходу телефон, обнаруживаю присланное НЕРВом фото моего партнера по испытанию, Иэна. Темные волосы до подбородка, пронзительные глаза, такие же темные, острые скулы. Словом, красавец.

Итак, мне нужно будет встретиться в кафе с этим красавчиком и спеть, пока он будет покупать мне кофе? С первой частью я как-нибудь справлюсь, но вот петь на публике? Желание сбежать домой почти пересиливает. Я не получу туфель, за которые и умереть не жалко, зато не умру от смущения. Напоминаю себе, что, вообще-то, вчера я прошла испытание. И у меня появились поклонники. Окей, может быть, все они – просто задроты, которым нечем заняться, только проматывать бесконечные списки видео и смаковать кадры с сиськами, но все же.

В кафе – никаких признаков Иэна, так что я просто остаиваюсь посреди зала и переминаюсь с ноги на ногу, пока Томми находит удачную для съемки позицию. Двое парней в носках и сандалиях быстро входят в кафе и начинают разглядывать публику, пока не замечают меня. Находят столик поблизости, и все это не спуская с меня глаз. Для постороннего наблюдателя они выглядят как обычные ребята из Сиэтла со смартфонами и без чувства стиля. Когда они достают телефоны и примериваются, чтобы снимать меня, я до-

гадываюсь, что это, должно быть, Зрители, которых прислал НЕРВ, и они будут снимать меня во время испытания. Вот черт. Но, в общем, понятно, что хозяевам игры хочется посмотреть, какова будет реакция игроков в условиях дополнительного стресса – при живой аудитории. У меня сводит желудок. Вот такая у меня реакция.

Я сжимаю кулаки и покачиваюсь на носках, но гляжу в основном себе под ноги. Каждые несколько секунд я рискую бросить взгляд в сторону дверей. Где же Иэн? В задании сказано, 9:40. Знает ли НЕРВ о моем комендантском часе, раз уж они узнали о туфлях? Уверена, я много раз постила жалобы насчет отбывания срока в ThisIsMe, так что если они видели мою страницу, то знают и об этом, и много еще о чем. Ладно, плевать, это же не секрет, в конце концов.

Я стою и жду, кажется, не меньше часа, но на самом деле проходит всего две минуты. Дверь кафе снова открывается. Я вижу, что Иэн узнал меня сразу, но он ничего не говорит. За ним идет высокая стройная девушка, ведущая съемку на телефон; она спешит занять место в паре метров от нас. Понятно, у него тоже есть телохранитель.

Когда он останавливается передо мной, я складываю руки на груди. Фото, сделанное на телефон, не сумело передать ни оливковой гладкости его кожи, ни изящной походки: длинные ноги, небрежно потертые джинсы. Но его что, улыбаться не научили?

Я говорю:

– Эй, мне – латте. Мое любимое, с ореховым сиропом.
Хорошо ли я изобразила «звездную болезнь»?

Он сжимает губы.

– И?

Э-э? Это и его испытание тоже. Может, главное слово тут

– «потребуй»?

Я поднимаюсь на носочки балеток и встряхиваю волосы.
ми.

– Что значит «и»? Мне нужно латте! Прямо сейчас!

Он подходит ближе, так что мне приходится задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо.

– Кто, как ты думаешь, я такой?

Я в недоумении.

– Ты Иэн, верно? – голос у меня звучит, как у мультяшного персонажа.

– Ага.

– Ну а я – Ви.

Его губы изгибаются в улыбке.

– Ви – это сокращение от чего?

А вот это уже секрет. Я глубоко вздыхаю.

– Ладно. Я так понимаю, мы оба в проигрыше. Если, конечно, твоим заданием не было вести себя, как придурок.

Я направляюсь к дверям, но он хватает меня за руку.

– погоди, ты что, уже сдаешься?

Я склоняю голову набок. Что за игру он ведет?

– Так ты купишь мне латте или нет?

– Ради чего ты здесь?

Ради пары потрясающих туфель, дубина.

– Что ты имеешь в виду?

Он наклоняется ближе.

– Мое испытание отчасти зависит от тебя.

Хм-м.

– Это как?

– Ты должна сказать, что я – потрясающий любовник. –

Голос у него такой тихий, что я едва могу разобрать, что он говорит.

– Что?

– Ты должна сказать мне, что я – потрясающий любовник.

Вслух. Громко.

Это что, действительно часть испытания? Или он морочит мне голову? Может, заморочить голову – это и есть его испытание. Но что если я скажу ему, что он – потрясающий любовник, а он все равно не купит мне латте? Тогда он пройдет свое испытание, а я свое – нет. Да и вообще, может, не дать мне пройти испытание – это и есть его задача? Господи, всего два испытания в игре, а голова уже кругом. Интересно, НЕРВ все так и запланировал?

Я упираю руку в бедро, а другую нацеливаю ему прямо в грудь – тысячу раз видела, как Сидни принимает эту позу, когда хочет, чтобы ее слышали.

– Становись в очередь. Как только ты закажешь латте, я расскажу всему кафе, как ты хорош в постели.

Секунду он меня изучает, тоже, должно быть, борется с подозрениями.

– Договорились.

Он становится в очередь. Я ужасно довольна собой, пока до меня не доходит, что самая худшая часть моего испытания начинается именно сейчас. Делаю глубокий вдох и закрываю глаза, стараясь не прислушиваться к смешкам вокруг. Голова у меня опять становится легкой, а сердце стучит неровно. Так вот на что похож приступ паники! Господи, так, в темноте, гораздо хуже. Всегда ненавидела темноту. Неудержимое воображение подсовывает одну картинку за другой. Может, кому-то еще досталось испытание стукнуть меня по голове? Или задрать мне юбку? Я чувствую себя настолько уязвимой, что слезы наворачиваются на глаза. Какое классное шоу для НЕРВа. Я чувствую прилив злости на игру, и паника тонет в этой злости. Ага, прекрасно. Держись за злость и пой. Я открываю рот и, к своему удивлению, слышу собственный голос. Он дрожит, и фальшивлю я отчаянно, но все же пою.

Когда я добираюсь до конца первого куплета, до меня доходит, что есть еще одна дилемма. С закрытыми глазами я не смогу увидеть, как Иэн заказывает. Как же я пойму, когда кричать, что он – потрясающий любовник? Если я сделаю это слишком рано, не кинет ли он меня с латте? Я продолжаю петь, впиваясь ногтями в ладони.

Со всех сторон раздается смех. Может, испытание Иэна состоит в том, чтобы вылить латте мне на голову? Я вздра-

гиваю, почувствовав, что ко мне кто-то подошел.

– Он только что заказал тебе латте, – шепчет Томми; он сует мне в руку салфетку.

Мне хочется обнять его.

– Спасибо, – говорю я между куплетами, и вытираю щеки. И только сейчас спрашиваю себе, почему я не смотрела сама и откуда Томми знал, что я этого не сделаю.

Я чувствую, как в груди разгорается искра надежды. Я почти прошла испытание. Хотя мне еще предстоит помочь Иэну с его испытанием. Если, конечно, я сама его не кину. Но, естественно, я этого не сделаю. Я же Козерог, в конце концов.

Покрепче зажмурившись, я ору:

– Ты лучший мужчина, который когда-либо у меня был, Иэн!

Со всех сторон раздается смех. С горящими щеками я снова начинаю петь о пиве.

Когда я дохожу до шестидесяти трех бутылок пива на стене, я чувствую, как ко мне кто-то подходит. Раздается голос Иэна:

– Латте для самой восхитительной девушки на свете, – произносит он и приятным тенором начинает петь «Beautiful Girl» – исполнение, которое гарантировало бы ему звездную роль в школьном спектакле.

Я отрываю глаза и принимаю из его рук чашку горячего кофе, пока он продолжает свою серенаду. Когда тебе поют

на публике – это смущает и кружит голову одновременно. Один из ребят, снимающих видео, показывает ему большой палец. Девушка, которая вошла в кафе вслед за Иэном, хочет, снимая все на телефон. Две девушки рядом быстро строчат что-то на своих телефонах. Интересно, может, они ставят нам оценки? Я вызываю в себе внутреннюю Сидни и картинно машу им ручкой, хотя, конечно, не собираюсь всерьез участвовать в отборе на игру в прямом эфире. Мне просто нужны эти туфли. Которые, кстати, я уже заработала. Тут, к счастью, песня заканчивается. Окей, задание окончено. Уф.

Я поднимаю картонный стакан, приветствуя Иэна:

– Браво!

Он кланяется и позирует для Зрителей, особенно для своего оператора-фото модели – скорее всего, она его девушка. А потом он улыбается. Вау. Как сильно улыбка меняет лицо. Зубы у него потрясающе белые и ровные, а ямочки на щеках такие глубокие, что туда можно засунуть монету.

Томми присоединяется к нам. Сстиснув зубы, он окидывает Иэна подозрительным взглядом и говорит:

– Уже девять сорок пять.

Я поворачиваюсь к Иэну.

– Пора бежать. Спасибо за латте и за песню.

Он машет девушкам, которые все еще печатают в своих телефонах.

– Ты уж прости, что я вел себя, как полная задница. Мне

пришлось. Это было задание – взбесить тебя, а потом попросить прокричать эту фигню насчет любовника.

– Рада слышать, что это не твое истинное лицо.

Он пристально глядит на меня, будто пытается меня раскусить, но что-то не укладывается в общую картину.

– Классно ты справилась с испытанием. Я впечатлен.

В груди у меня поднимается волна. В самом деле, я неплохо справилась, а?

– Ты тоже.

Бариста, который вчера вытирал пол, смотрит на нас бешеным взглядом. Знак, что пора покидать сцену.

– Удачи тебе, Иэн! – говорю я, уже спеша на улицу вместе с Томми.

Холодный воздух ударяет мне в лицо. Но, в отличие от прошлой ночи, он скорее освежает, а не морозит. Я это сделала! Сделала! Когда мы, смеясь, бежим к машинам, я чуть не теряю балетку, что очень подходит к моей сегодняшней роли – я чувствую себя Золушкой, сбегаящей с бала.

Четыре

Томми качает головой, будто поверить не может, что я смогла через это пройти.

– Поздравляю.

Я двигаюсь по тротуару вприпрыжку. Когда я в последний раз бегала вприпрыжку? В первом классе?

– Спасибо, что поддержал, Томми. Без тебя я бы никогда этого не сделала. Если бы ты был девчонкой, я дала бы тебе поносить мои призовые туфли.

Улыбка его несколько тускнеет.

– Э-э, спасибо...

– Ну ты меня понимаешь! Ты потрясающий! – Я сажусь в машину. – Хотелось бы отпраздновать это вместе, но ты знаешь моих родителей.

– Ага. Увидимся завтра. – Он немного медлит, будто ждет, что я скажу еще что-нибудь. Потом, смущенно пожав плечами, помогает закрыть дверцу.

По пути домой я включаю радио погромче и всю дорогу подпеваю звезде кантри, которая повествует о том, как она мстит мужчине-обидчику. Ну почему подобные песни такие забавные? Когда я заезжаю в гараж, у меня даже остается лишняя минута. Прекрасно. Приплясывая, я вхожу в прихожую, испытывая сильный соблазн прокричать «Все вокруг цветет и пахнет» из мюзикла «Цыганка», но это вызвало бы

чересчур много вопросов у мамы, которая сидит в гостиной и притворяется, будто читает книгу.

Я обнимаю ее, надеясь, что от меня не пахнет кофе.

– Спектакль прошел прекрасно.

– Чудесно, малыш! Нам с папой не терпится увидеть все собственными глазами завтра вечером.

– Третий вечер – всегда самый удачный. Вам понравится!

Пританцовывая, я взбегаю вверх по лестнице, напевая себе под нос. Пока я готовлюсь ко сну, в голове крутится мелодия из «Вестсайдской истории», и я засыпаю, улыбаясь. В счастливом тумане я забываю отключить телефон, и он будит меня в восемь утра. Я его игнорирую и поворачиваюсь на другой бок, чтобы досмотреть сон о Мэтью, где также участвуют красавцы из кафе. Телефон жужжит опять и опять. Ну кому я понадобилась в такую рань? И тут глаза у меня резко открываются. Может, это связано с испытанием? Я быстро проматываю в памяти вчерашние события. В последнем видео не должно быть ничего позорного. Ничего.

И все же я вскакиваю, чтобы проверить телефон.

Первое сообщение – от Сидни.

«Как ты могла?»

Ох. Я и забыла, что обещала ей – больше никаких испытаний.

Но подождем, пока она не увидит мои туфли. Как жаль, что нога у нее на два размера больше моей! Сидни быстро успокоилась бы, если бы мы могли носить их по очереди.

Следующие сообщения – тоже от нее. И приятного в них мало. Но ведь ничего постыдного не произошло, если, конечно, не считать, что пела я просто кошмарно, но ей-то что? А потом до меня доходит. Она же сама хотела попробоваться в НЕРВ. Попробоваться по-настоящему. Пройденные мной испытания, наверное, напомнили ей о том, чего она не может сделать – ну, по крайней мере не в этом месяце. Но ей совершенно незачем ревновать. Я же не собираюсь участвовать в «живых» раундах. Испытания я проходила исключительно ради забавы. Ну, вернее, ради тувель.

Я жду окончания завтрака и только тогда отправляю ей сообщение. Цепляю к нему присланное НЕРВом фото – я в тех самых тувлях. Сидни отвечает звонком. Ой-ой.

Когда я отвечаю на звонок, она начинает орать:

– Плевать мне на приз! Ты же сказала, что не будешь больше играть! А если бы что-то пошло не так? Что-то, что мне не удастся прикрыть так легко, как в первый раз?

Я провожу рукой по волосам.

– Никто тебя не просит меня прикрывать. Это просто еще одно испытание. Ты же видела, никаких мокрых блузок или обнаженного тела, и парень оказался нормальный. И даже если бы и нет – ничего страшного. Со мной был Томми.

– Нет, ты не понимаешь! Что, если бы они велели другим игрокам издеваться над тобой или сделали бы что-то по-настоящему ужасное? Помнишь, как они поступили с той девушкой, с обсессивно-компульсивным синдромом?

Я вздрагиваю.

– Но это же было в «живых» раундах. Слушай, никто не пострадал. Я выиграла потрясающие туфли. Игра окончена.

Я прямо вижу, как она качает головой.

– Знаешь, Ви, иногда я тебя не понимаю. Тебя иногда будто тянет на саморазрушение.

Я напрягаюсь.

– То есть ты имеешь в виду, что я сама пытаюсь причинить себе вред? Уж ты-то должна понимать, как я устала в тот вечер, когда помогала тебе учить роль для рождественского спектакля! Помнишь? Это очень, очень низко с твоей стороны намекать на то, что я намеренно не заглушила двигатель.

– Да я не это имела в виду!

– Ну конечно.

Долгое молчание.

– Слушай, у меня тут дела, – говорю я.

Мы с ней вешаем трубки, не сказав больше ни слова. Просто чудесно. Сегодня последний спектакль, нам бы планировать мой первый вечер на свободе, а лучшая подруга на меня дуется. Как это она так быстро узнала об испытании? Она что, проверяет сайт НЕРВа с утра пораньше? Или они связались с ней так же, как с некоторыми моими друзьями после испытания номер один?

Я залезаю в интернет и нахожу раздел с «Отборочными раундами», где видео можно смотреть бесплатно – навер-

ное, чтобы подогреть интерес публики к «живым» турнирам, где платить нужно за каждый просмотр. Свой клип я ищу недолго. Число комментов перевалило за сотню. Это точно не ошибка? Мне лично не показалось, что испытание было таким уж интересным. Я запускаю видео, которое начинается с фразы Томми о том, как бы Иэну повезло, если бы между нами что-то было по-настоящему. Милый, милый Томми. Видео, однако, явно отредактировано НЕРВом, потому что следующая часть посвящена Иэну, и женский голос за кадром описывает, что обладательница голоса хотела бы с ним проделать. В красочных деталях. Интересно, это комментарий той девушки, которая пришла вместе с ним? Они были вместе с самого начала или это НЕРВ назначил ее Зрителем Иэна?

Дальше начинается часть, где я пою. Я морщусь – вид у меня ужасно испуганный. Но, должна признать, у меня есть... что-то такое, из-за чего я, как это ни противно, выгляжу по-настоящему невинно. Может, это из-за того, что рядом с Иэном я кажусь такой миниатюрной? Этот парень выглядит так, будто только что сошел с экрана. Чеканные черты лица, вот как это называется.

Я читаю комменты под клипом. Десятки девушек клянутся, что подпишутся на участие в игре в качестве Зрителей Иэна, если НЕРВ отберет его для игры в прямом эфире, а ведь это в три раза дороже, чем просто смотреть онлайн. Конечно, Зрители-участники могут выигрывать призы, если

им удастся сделать особенно удачный кадр, но шансы на это невелики.

В остальном комменты легко отсортировать по половой принадлежности: ребята пишут о том, какая я симпатичная и испуганная, а девушки утверждают, что каждая из них стала бы гораздо лучшей партнершей для Иэна. Да, похоже, у него серьезная группа поддержки.

Что ж, удачи ему с сегодняшним отбором. Пока я мысленно шлю Иэну добрые пожелания, на экране всплывает реклама НЕРВа: «ПОГЛЯДИ, КТО ИГРАЕТ!» – и клипы первых игроков, отобранных для игры в прямом эфире, с двух площадок: из Вашингтона и Тампы. Через пару минут еще один баннер возвещает: «ПОГЛЯДИ, КТО СМОТРИТ!» – с фотками тех, кто уже подписался и стал Зрителем онлайн или лично участвует. Разумеется, даже публика мечтает о своей минуте славы.

Теперь, когда я приняла участие в паре испытаний, мне тоже очень хочется стать Зрителем, и, наверное, так бы я и сделала, если бы у меня уже не было планов на сегодняшний вечер. НЕРВ никуда не денется: он будет и в следующем месяце, и потом. Но прямо сейчас я хочу быть с Мэтью.

Пора выключать компьютер и браться за дела. Между заданием по математике и парой набросков для уроков по дизайну я успеваю испечь три десерта для сегодняшнего вечера. И все же время тянется так медленно!

Ровно в пять я уже в машине. Приехав в театр, я оказыва-

юсь по уши занята: нужно всех загримировать. Для последнего спектакля каждый хочет выглядеть особенно хорошо. Но вот наступает очередь Сидни, и я чувствую, что атмосфера какая-то странная. Сидни такая веселая, шутит со всеми вокруг, но, уверена, я одна замечаю, что она избегает встречаться со мной глазами. А когда кто-то упоминает о том, как круто, что я прошла еще одно испытание, Сидни тут же меняет тему.

Вокруг разливается благоухание пионов, но Сидни отказывается говорить, кто их прислал, игнорируя расспросы и подколы. Как только я заканчиваю возиться с ее накладными ресницами, она быстро исчезает из комнаты.

Однако Мэтью быстро заставляет меня забыть о Сидни, положив руку на мою голую коленку, пока я его гримирую. Он хочет просмотреть мои ролики для НЕРВа, пока я работаю, но я говорю ему: «Прекрати вертеться!»

Он поворачивает ко мне экран телефона с еще одной рекламой НЕРВа:

– Начались онлайн-раунды в Остине. Спорим, ты бы выглядела круто в ковбойской шляпе и со шпорами? Как ты сегодня? Чувствуешь себя отчаянной, а, крошка Ви?

– Больше я водой обливаться не собираюсь, если ты об этом.

Надеюсь, что нет, потому что я обожаю мой винтажный пиджак с вышивкой и шелковую мини-юбку. Жалко только, что, пока я мечусь за сценой, приходится носить эти дурац-

кие туфли на плоской подошве. Сапоги с каблуками смотрелись бы гораздо лучше. Мой наряд довершает футболка с героями «Настоящей крови» и значок с кампании Джимми Картера⁴, который я нашла на барахолке: идеальная деталь. Хотя парни обычно не в состоянии оценить хорошо подобранный наряд. Да и самого Джимми тоже.

Покончив с гримом и костюмами исполнителей главных ролей, я перехожу к массовке. Многие хлопают меня по плечу или выкрикивают «Дай пять!» – таким образом они отдадут должное двум испытаниям, которые я прошла для НЕР-Ва. Я думаю о том, что нужно успеть насладиться последним спектаклем во всем его великолепии, пока каждый момент словно подвешен между щемящим чувством ностальгии и головокружительным ощущением успеха. И, может, мы с Сидни сумеем помириться еще до капустника. Особенно если я попрошу прощения.

Третий вечер подряд спектакль идет без сучка без задоринки. Сказываются, наверное, долгие месяцы репетиций, хотя вскоре от всего этого останутся только воспоминания да видеозаписи.

Во время третьего акта я стою сбоку от сцены, вдыхая аромат старого дерева и стараясь не касаться пыльного бархатного занавеса. Осторожно выглянув в зал, вижу знакомые лица. Лив и Юлай снова пришли на спектакль. На противоположной стороне, справа, я, кажется, различаю мамин про-

⁴ Джимми Картер – президент США с 1977 по 1981 г.

филь. Ага, вон и папа рядом с ней, рыщет взглядом по зрительному залу, будто ожидает, что я вот-вот свалюсь с балкона.

Я повторяю знакомые строки вместе с актерами – в последний раз. Правда, предстоят еще капустники, на которых фанаты-театралы покажут себя во всей красе, но это будет уже не то. Наконец, спустя час и тридцать две минуты после начала спектакля, Мэтью и Сид встречаются на сцене – воссоединение влюбленных, которое публика давно предвкушала. Он берет ее лицо в ладони, она грациозно выгибает спину. Их губы встречаются. Женщина в первом ряду выпускает вздох. Мы все вздыхаем, переживая этот поцелуй.

Секунда, вторая, третья, четвертая, пятая... Какого черта? Бесконечные секунды проходят одна за другой, но объятия становятся только теснее и гораздо, гораздо чувственнее, чем того требует сценарий, и длятся они на века, на тысячелетия дольше, чем любой из их предыдущих поцелуев. В груди у меня будто что-то горит. Мэтью обнимает Сидни так крепко, что, готова поспорить, на коже у нее останутся следы.

Я провожу пальцем по потертому шнуру от занавеса, испытывая сильный соблазн дернуть и дать спектаклю новый, неожиданный конец. В театре все на ладан дышит, так что все решат – это случайность. Но, разумеется, такая девушка, как я, ничего подобного никогда не сделает.

Сидни и Мэтью, наконец, разжимают объятия и, не отры-

вая друг от друга глаз, переходят к своему дуэту, который перерастает в общий финал. Мимо меня проталкиваются актеры, занимают места на сцене. Грудь Сидни вздымается с последними высокими нотами, и вот уже от мелодии осталось только эхо, и раздаются громкие аплодисменты. Прикусив губу, я опускаю занавес.

Пока члены труппы выходят на поклон, я спешу к пожарному выходу. Дождя нет, и это просто чудо для весны в Сиэтле.

Совсем не так я себе представляла вечер последнего спектакля. После бесчисленных примерок, бесконечных часов в гримерке и дней, которые я провела с Сидни, разучивавшей роль, пока и сама не запомнила все до последнего слова; после трех пирогов, которые я испекла для капустника, – если кто и заслужил долгие поцелуи с Мэтью сегодня вечером, так это я.

Я плюхаюсь на металлическую ступеньку, которая сквозь шелковую ткань юбки кажется ледяной, включаю телефон и меняю свой статус со «Что-то намечается» на «Приветствуются новые идеи».

Нужно уйти, и прямо сейчас. Забыть о глупом капустнике и первом вечере на свободе. Моя так называемая лучшая подруга просто не может вынести, когда кто-то, кроме нее, оказывается на авансцене. И ведь нельзя сказать, что мое участие в испытаниях НЕРВа уменьшили ее популярность. Разве кто-нибудь еще, кроме нее, получил два букета? Инте-

ресно, они от Мэтью? А она, что она к нему чувствует? Это их объятие... Одно дело – игра на сцене, другое дело – реальность. Мои мысли лихорадочно мечутся. Может, они уже встречаются тайком? Не могу поверить, что подруга, которая однажды растянула запястье, защищая меня от хулигана, может так обманывать. Но этот поцелуй...

Дверь открывается. Неужели Сидни пришла извиниться? Это Томми.

– Что ты здесь делаешь? – Он садится на ступеньку выше. Я смотрю на него.

– Хотелось глотнуть свежего воздуха.

Он улыбается.

– Да, воздух тут хорош.

– Ты разве не должен руководить разборom декораций?

– Нет, до завтра ничего не будем разбирать.

– Ох, надо бы разослать всем еще одно напоминание насчет костюмов: чтобы сдали их в химчистку. Пусть даже не пытаются вернуть что-нибудь, что будет вонять, или...

– Или что?..

Я подпираю рукой подбородок.

– Я повешу их грязные костюмы прямо им на шкафчики, а сверху повешу противогаз. Или еще что-нибудь в этом роде.

Глаза Томми смеются.

– Ты же милая! Не ожидал от тебя такого.

– На «милых» воду возят.

А также на ответственных, преданных и что там еще на-

царапали одноклассники в моем школьном альбоме?

Томми смотрит на меня с недоумением.

В полуоткрытую дверь доносятся обрывки смеха – актеры возвращаются в гримерки. Я оставила на туалетных столиках баночки с охлажденным кремом и салфетки, но, готова поспорить на мою недельную зарплату в «Винтаж Лав», большинство предпочтет остаться в гриме и явиться в таком виде на капустник. Им нравятся драматичные глаза и точечные скулы, которые я им сделала.

Я вздрагиваю на апрельском ветру и чувствую, как подкрадывается головная боль. Смотреть, как лучшая подруга при всех вешается на парня, который тебе нравится?.. От этого зрелища у меня в мозгу закоротило эмоциональные цепи, и теперь я чувствую себя какой-то оглушенной. Или, может быть, просто глупо – а чем иначе объяснить мои следующие слова:

– И что вы, парни, находите в Сидни?

На самом деле этот вопрос уже за гранью глупости – не только потому, что я выгляжу неуверенной в себе неудачницей, но еще и потому, что ответ очевиден: ее способность повысить твою самооценку ровно за десять секунд, ее блондинистая грива и тело, которое она не стесняется показывать, нося облегающие свитера и низко сидящие на бедрах джинсы. Не говоря уж о корсете, который она надевает в последнем акте и не снимет, пока кто-нибудь не поможет ей, лента за лентой, крючок за крючком.

Томми отводит взгляд.

– Ну-у, не всем парням нравятся такие девушки. Некоторые предпочитают девушек, не настолько, м-м-м, *очевидных*.

Это что же, он считает, что миниатюрные девушки, которым нравится стиль ретро – *неочевидны*? Или точнее, невидимы?

Дверь у нас за спиной с грохотом распаивается – так, что лестница вздрагивает. Сердце подпрыгивает у меня в груди.

Лицо у Мэтью раскраснелось, грим наполовину стерся. Или кто-то его стер...

– О, крошка Ви! Я тебя обыскался.

– Правда? – мой голос звучит как-то пискляво.

Он смеется:

– Пра-а-а-авда!

Томми закатывает глаза. Я встаю и отряхиваю юбку.

– А что такое?

– Я тут подумал, не найти ли нам более уединенное местечко?..

Сердце вот-вот выскочит у меня из груди.

– Э-э, конечно. – Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не запрыгать на месте.

Мэтью берет меня за руку и тащит внутрь.

– Пока, Томми, – говорю я, и дверь за мной с лязгом захлопывается.

Мы пробираемся между группками актеров, их родных и друзей, которые осыпают их поздравлениями. В воздухе ви-

сит густой запах духов и одеколona. На секунду мне кажется, что я вижу папу – короткий ежик седых волос, – но я быстро теряю его из виду. Может, это еще чей-нибудь отец. И зачем вообще папе заглядывать за кулисы? Чтобы сказать «Малыш, ты классный костюмер»? К тому же это мой вечер свободы. Должны же они сделать мне хоть какую-то скидку!

Мэтью ведет меня в каморку в конце коридора, которая служит запасной гримеркой. Здесь никого нет. Прежде, чем я успеваю понять, что он делает, он поднимает меня за талию и кружит, как фею из балета.

Я смеюсь, чувствуя, будто парю в невесомости.

Он ставит меня на пол и нажимает мне пальцем на нос. Внезапно мы вновь оказываемся в этом щекочущем нервы пространстве, в котором танцуем вот уже пару недель. И это происходит на самом деле! Я не придумала! Может, я неправильно поняла их с Сидни поцелуй на сцене? Может быть, они просто слишком вжились в роль...

Сердце бешено колотится.

– Ты потрясающе играл сегодня.

– Благодаря тебе и всей нашей команде, – его рука ложится мне на плечи, он подводит меня к зеркалу. – Ты была просто как маленький ангел. Порхала вокруг и всем нам помогала. И еда, которую ты принесла, выглядит ужасно вкусно.

Я сажусь на стойку, а он падает в кресло. Может, он пригласит меня к себе на колени? При этой мысли меня бросает в дрожь.

Он берет мои руки в свои.

– Можно одну крошечную просьбу?

– Конечно.

Черт, надо было освежить помаду.

Он указывает на щеку.

– Я тут грим случайно размазал. Можешь наложить заново? Сидни говорит, в гриме я выгляжу брутально, и для капустника будет неплохо, а?

Плечи у меня опускаются.

Он хочет освежить грим? Остаться в роли, потому что Сидни кажется, что так он больше похож на мачо? Я сижу и тупо гляжу на него.

Он указывает на мой чемоданчик с гримом, который, должно быть, принес сюда, прежде чем пойти за мной. Надо же, как он подготовился! Он барабанит по моим коленкам, будто играет на маракасах.

– Сделай только самое основное, в детали можно не вдаваться!

Я делаю вдох и встаю, стараясь успокоиться и не покраснеть от разочарования.

– Конечно.

Я открываю чемоданчик, беру карандаш и контурную пудру. Стоит мне начать, и он убирает руки с моих коленок. Я заостряю линию челюсти и нос, перехожу к контуру глаз. И только наполовину закончив работать с глазами, позволяю горьким вопросам пробраться в мою голову. Нравилась ли

я когда-нибудь Мэтью по-настоящему, так, как он нравился мне? Или я – просто способ сблизиться с Сидни?

Я сильнее нажимаю на карандаш, который впивается ему в бровь. Он морщится.

– Прости, – говорю я. Грубый след на его коже подает мне идею. Меня очень тянет придать его гриму новый оттенок. Между пикантной брутальностью и видом одержимого маньяка грань очень тонка. Я могу сделать так, что любая девушка на капустнике почувствует себя неуютно, едва взглянув на него. Рука сама начинает подрисовывать брови чуть ближе друг к другу. Но что-то меня удерживает. То самое «что-то», что никогда не дает мне устроить сцену или скандал. Сдерживая слезы, я рисую Мэтью те сексуально-задумчивые глаза, которые он так хочет.

Выбрасываю ватные шарики в корзину.

– Все готово.

Можно ли еще вернуть ту магию флирта? Я сажусь перед ним и замечаю размазанное красное пятно у него на воротнике – помада, наверное, или румяна.

Он подкатывает кресло к зеркалу мимо меня, чтобы рассмотреть свое отражение.

– Ты просто молодец, Ви! Ты – лучшая.

Я наблюдаю, как он любит своим отражением, и чувствую себя кем угодно, но только не лучшей. Никто не целует меня с благодарностью. Никто не кружит, как фею.

Мэтью направляется к выходу, и я спрашиваю:

– Это ты послал Сидни цветы?

Он оборачивается с довольной ухмылкой на лице.

– На ее странице в ThisIsMe сказано, что больше всего она любит розы и пионы. Это ведь правда?

– Ну, если это у нее на странице, значит, правда. – Я хлопываю чемоданчик.

– Здорово. Увидимся на капустнике!

И он исчезает.

Последнее, чего мне хочется, – это идти на капустник. Все, вечер можно официально считать отстойным. Чем скорее я выберусь отсюда, тем лучше. Я спешу за кулисы, где оставила сумочку. От дверей зрительного зала меня отделяет гудящая толпа, и я решаю смыться через пожарный выход. Проходя мимо женской гримерки, слышу смех Сидни – вот она, звезда, окруженная роем поклонников и вонью пионов. У меня нет сил проталкиваться через толпу вокруг нее или участвовать в сцене, которую она, конечно же, закатит, узнав, что я не иду на капустник. Рано или поздно до нее дойдет, что я ушла. Скорее поздно, чем рано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.